

**«СВОЕ» КАК ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАННОЕ «ЧУЖОЕ»
(К ВОПРОСУ О ТИПАХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТАТАРСКОЙ
ПРОЗОЙ 1-ОЙ ТРЕТИ XX В. И РУССКОЙ КЛАССИКОЙ XIX В.)**

© 2010 В.Р.Аmineва

Казанский государственный университет

Статья поступила в редакцию 25.12.2009

Проводится сопоставительный анализ принципов и приемов психологического изображения, используемых русскими и татарскими писателями. Выявляется концептуально-семиотическая природа и дается семантическая характеристика одного из видов диалогических отношений, формирующихся между национальными литературами, – «свое» как переструктурированное «чужое».

Ключевые слова: диалог, русская литература, татарская литература, принципы и приемы психологического изображения.

В работе «К методологии гуманитарных наук» М.М.Бахтин, поставив проблему «контекстов понимания» и разграничив малое время современности и большое время, «близкий» и «далекий» контексты, пишет о нескончаемом обновлении смыслов во все новых контекстах¹. В качестве такого «контекста понимания» русской литературы XIX в. в нашем исследовании выступает татарская проза 1-ой трети XX столетия, остающаяся вне интересующих нас текстов русских писателей, но являющаяся своеобразным диалогизирующим фоном их восприятия. Принципиально иная ситуация складывается применительно к татарской литературе указанного периода: русская классика XIX в. осознается ею как такой же «полноправный субъект», реальный и конкретный «Другой» (по терминологии М.М.Бахтина), участвующий в концептуализации своего слова о мире и человеке. Высказывание строится не как целое одного сознания, художественного сознания данной национальной литературы, а как диалог, в данном случае содержательно и структурно обязательный, разных равноправных сознаний, осуществляемый на уровне корпуса текстов, осмысленных как целое.

В историко-литературные ситуации, когда возникает необходимость пересмотреть привычный взгляд на мир, устоявшиеся правила и нормы, происходят поиски новых художественных средств и приемов, актуализируется следующий

тип диалогических отношений: «свое» как пере-конструированное «чужое». Это вид диалога, при котором «свое» видится с точки зрения «другого», в его системе оценок; вместе с тем раскрывается и культуротворческая, созидательная роль «чужого». Оно оказывается уже не совсем «чужим», но является «модуляцией» «своего». Данный тип диалогических отношений между текстами, принадлежащими русской и татарской литературам, обнаруживается при сопоставлении принципов и приемов психологического изображения, используемых писателями, и выделяется нами на основе установленных в литературоведении фактов влияния творчества русских писателей на художественное мышление татарских авторов².

В татарской прозе начала XX в., активно осваивавшей художественно-эстетический опыт русской и западноевропейских литератур, получили развитие принципы и приемы психологического изображения, характерные для «диалектики души» – формы психологического анализа, нашедшей классическое выражение в творчестве Л.Н.Толстого. Новым ценностно-смысловым установкам соответствует глубокий аналитизм – стремление понять внутренний мир человека в его противоречивой сложности, непрестанном изменении и борьбе противоположных начал. Метод психологического анализа осуществляется

⁰ Аmineва Венера Рудалевна, кандидат филол. наук, доцент каф. сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации. E-mail: amineva1000@list.ru

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: 1979. – С. 372.

² Кадыров, О.Х. Роль Л.Н.Толстого в становлении и развитии татарской реалистической литературы: Дис. ... д-ра фил.наук. – Казань: 1996; Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – Казань: 1970; Сайганов А. У истоков эстетики реализма. Эстетика Ф.Амирхана и ее место в развитии татарской реалистической литературы. – Казань: 1982; др.

каждым из художников индивидуально своеобразно. В центре внимания Г.Исхаки – изображение духовного развития героев. Оно связывается с их биографией, онтологичность которой обнаруживается через психологизм. Так, в повести Г.Исхаки «Жизнь ли это?» (1909) прослеживается постепенный внутренний рост героя-рассказчика, происходящий под влиянием двух факторов: самоанализа и самопознания, с одной стороны; и расширения кругозора личности через сближение с народным и природно-космическим бытием и проникновение его началами – с другой.

Повествование ведется от первого лица и носит однородный, монологический характер. Главное место в композиции образа героя занимает психологический самоанализ, сосредоточенный на раскрытии конфликта между естественными потребностями и желаниями и доводами рассудка, сковавшими волю. В душевной деятельности персонажа выделен и акцентирован процессуальный и ценностный смысл, отражающий видение и оценку содержания собственного сознания. Стремясь к максимально точному воспроизведению своей психической жизни, субъект речи сосредоточивается на испытываемых им эмоциях вины и стыда. Будучи центром моральных переживаний и рефлексии, эти чувства способствуют переходу героя от индивидуального обособления к сопряжению с природно-космическим целым и растворению в потоке безличного бытия.

Размышления рассказчика о причинах его жизненной драмы не ограничиваются локальными социологическими мотивировками. Проблема включается в круг таких универсальных коллизий, как «роль образования в судьбе человека», «человек и вера», «человек и условия его жизни» и т.д. Крайняя неудовлетворенность своим общественным положением, образованием, психологическим состоянием, социальной средой, миропорядком в целом выливается в страстную обличительную речь, в которой взаимодействуют мотивы плача и заклинания. Свидетельство тому – подчеркнуто экспрессивное строение фраз, ритмико-интонационная конкретизация текста и его субъектная организация. «Я» героя, мучающегося, страдающего, тщетно пытающегося найти свою дорогу в жизни, трансформируется в «мы» – тысячи таких же юношей, оказавшихся в аналогичной ситуации. «Другой», к которому обращается рассказчик, воспринимается в субъектных формах – «вы». Это обращение определяет интонационное строение речи, ее восклицательный тон, который сосредоточивает в себе всю энергию душевного порыва, направленного на преодоление трагического разлада с миром. Признание зависимости человека от внеполож-

ной ему реальности совмещается со стремлением управлять силами жизни.

В повествование вводится стихия особого лиризма. Переживания героя освобождаются от индивидуальной определенности и приобретают возвышенно-поэтическую абстрактность, обеспечивающую выход к сверхэмпирическим смыслам. Личная трагедия перерастает в трагедию поколения. Лиризм объективирован тем, что введен в границы кругозора героя. Повествование, приближаясь к сфере действия лирических законов, сохраняет характерное для эпической прозы смысловое наполнение образа. Исследуя внутреннюю драму героя, автор использует художественный метод, основанный на заострении конфликтных начал сознания. Так, в восприятии и оценке событий, обнаруживающих жесткую социально-историческую детерминированность судьбы персонажа и выявляющих несовместимость его идеалов с нормами и ценностями господствующего общественного уклада, доминирует стихия беспросветного отчаяния. Данный психологический комплекс, в глубине которого скрыто устойчивое, постоянное чувство неблагополучия жизни, становится идеологически насыщенной формой мироощущения. Генерализующий склад этой эмоции – результат укрупнения переживаний, сопровождающих поворотные моменты биографии героя и охватывающих разные пласты его душевного опыта.

В финале меняется масштаб художественного изображения: человек поставлен перед лицом разбушевавшейся грозной стихии зимнего ветра, наделенного злой волей и активностью. Вступая в сферу бытийно-космических отношений с природой, личность духовно возвышается и преображается. В ней обнаруживается потенциал автономной воли, энергия сопротивления натиску внешних обстоятельств. Пафос напряженной активности духа, ярко выраженное начало волеизъявления определяют словесно-интонационную систему текста и его ритмическую структуру. Перед нами своеобразное лирическое заклинание, сила которого направлена на преодоление неустранимых преград и превратностей судьбы. Мысль все же обретает выход в действие, хотя и реализуемое в одном лишь слове обращения. Но это слово оказывает внушающее воздействие, концентрируя в себе и в интонации волевою энергию и оживляя в преображенном виде древнюю семантику заклинания. Но возникающие в заключительном эпизоде предпоследней главы повести бытийно-субъектные отношения между микро- и макрокосмом, человек и природой раскрывают трагическую концепцию бытия, которая объективирует лирическое откровение и окружает ореолом универ-

сальных обобщений образ героя и содержание его характера.

Аналитический психологизм, используемый Г.Исхаки, позволяет воплотить духовный мир личности, вступающей в конфликт с нормами и обычаями своей среды, устремленной к общенародным и общечеловеческим ценностям, способной к социально-идеологическому новаторству. Этим обусловлены и художественно-содержательные особенности произведений писателя, вбирающие в себя романную проблематику и синтезирующие принципы типизации, свойственные эпическому и лирическому родам литературы.

Ф.Амирхан близок Л.Н.Толстому некоторыми аспектами своей художественной антропологии, проявившейся в повестях «Хаят», «Когда погасло пламя» и др. Оба писателя убеждены в том, что психология человека доступна пониманию, а его поступки – объяснению. Этим обусловлено новое качественное выражение психологического анализа в произведениях татарского прозаика: «анализ чувств и переживаний перерастает в амирхановской художественной практике в самоанализ, в толстовский показ «диалектики души»³. В повести «Когда погасло пламя» (1916) в рефлексивно-исповедальной форме раскрывается история постепенно уходящей любви. Произведение построено на самоанализе и состоит из внутренних монологов, автохарактеристик, психологизированных диалогов, аналитико-психологических описаний. Особое внимание уделяется тем психическим явлениям, которое составляют нечто всецело субъективное, принадлежащее данной личности. Эмоция героя изменчива и противоречива. К чувству любви примешиваются горечь и обида, надежда и отчаяние, радость и боль. Душевная жизнь зафиксирована в ее контрастных проявлениях, непрерывном столкновении разнокачественных эмоций. Герой рассказа Шакир отказывается от любви и подавляет в себе личное чувство. Любовное охлаждение представлено как процесс сложный и внутренне неоднородный. Лирическая тема болезненно сопротивляющейся, но уступающей и угасающей эмоции сопутствует мотивам разочарования, обманутых надежд, унижения, уязвленного самолюбия. С аналитическими способами описания внутренних переживаний героя, его эмоциональных состояний, приемами построения медитаций связано осуществление в художественном мире произведения элегичности как предельной внутренней сконцентрированности и самоуглубленности «я».

Но дистанцирование, комментирование действий и состояний (своих и чужих), попытка их аналитического объяснения снимают элегичность, переводя ее в иную эмоционально-ценностную ориентацию. Одновременно с любовной темой, вернее, в ней самой подспудно звучит тема прощания с юностью, с надеждами и мечтаниями молодости, постепенного «остывания» человеческого сердца. Мучительное эмоциональное умирание манифестируется символикой «горения / угасания». Горению как страстному выплеску энергии любящего, страдающего сердца противостоит угасание. Оно имеет деструктивный, разрушающий смысл и соотносится с внутренней пустотой, холодом и бесстрашием.

Изменение ракурсов видения и восприятия себя и мира демонстрируют философские размышления о тайне жизни и смерти. Внутренний монолог становится непосредственным выражением нравственного сознания, которое протестует против законов уничтожения, конечности человеческой жизни. Оскорбленное чувство личности, ставшее источником острого ощущения своего «я», вскоре теряет индивидуалистический характер. Погружаясь в себя, герой находит то, что не подлежит уничтожению – неоспоримую и самоочевидную духовность человека, то, что объединяет его с другими. Линейное время человеческой жизни в ее пространственно-материальной ограниченности преодолевается ощущением единства человеческого рода. Это подчеркивается использованием местоименных форм: «мы», «наши», – их выделенностью как определенных смысловых центров. Они устанавливают и закрепляют связи «я» с окружающим, близким и отдаленным, общим, стирает пределы свершившегося и возможного, осуществляя прорыв в иной мир. Ф.Амирхан так же, как и Л.Н.Толстой, отталкиваясь от конкретного нравственно-психологического состояния героя, вызванного внешними и внутренними причинами, обращается к вневременной интерпретации сущности человеческой личности, проявившейся в этом состоянии.

Основным методом художественно-психологического познания в произведениях Г.Исхаки и Ф.Амирхана становится интроспекция персонажей. Внимание писателей сосредоточено на самосознании героев, их моральной рефлексии, духовном самоопределении. Г.Исхаки, как и Толстой, воссоздает историю духовного становления личности, путь ее нравственно-психологического движения. Ф.Амирхана интересует внутренняя жизнь человека в ее контрастных проявлениях, в чем обнаруживается типологическое сходство структуры и метода развития его характеров с героями Тургенева, Достоевского, позднего Толстого. Интерес к душевной драме

³ Сайганов А.Д. Проблема типического в татарской реалистической литературе (на материале творчества Ф.Амирхана и просветительских реалистов). – Казань: 1972. – С.38.

личности, ее нравственным исканиям, диалектике внутренних конфликтов сближает русских и татарских писателей. Но если раздвоенность героев Достоевского и Толстого является прежде всего следствием неоднородности самой их природной сущности, то двойственность персонажей татарских авторов порождена кризисным состоянием современной им действительности (Ф.Амирхан «Хаят», Г.Исхаки «Жизнь ли это?) или неразрешимыми противоречиями бытия, универсальными коллизиями жизни и смерти, любви и измены (Ф.Амирхан «Когда погасло пламя») и др.

В рассказе Г.Ибрагимова «Угасший ад» (1911) человек изображается в двух измерениях: в его социально-исторической и психологической конкретности и в универсально-родовой сущности. Зафиксировав разрыв между внутренними потенциальными возможностями человека и их реализацией, писатель ставит вопрос о духовном самоопределении личности, свободе и предопределенности ее судьбы, ответственности за свои поступки и выбор жизненного пути. Эти проблемы решаются целиком изнутри сознания персонажа, в его кругозоре и на его языке. Персонаж-рассказчик переживает тяжелую душевную драму, вспоминая юношеские мечты и сравнивая два периода своей жизни. В прошлом он был одухотворен идеей общественного блага, думал о гражданском поприще, хотел служить народу, искреннее верил в то, что сможет найти достойное применение своим силам и способностям. Но юный пыл души, интенсивность внутренней жизни сменились ощущением полной безнадежности, инертностью и апатией.

Духовный кризис, переживаемый героем, получает в рассказе глубокое философско-психологическое истолкование. Рассуждения Садыка о своей судьбе содержат разные варианты объяснения его драмы. Кардинальная особенность реалистической характерологии, проявившаяся в произведении, – многогранная и разнокачественная обусловленность поведения и судьбы героя – сближает используемые Г.Ибрагимовым принципы художественного освоения действительности с творческим методом русских писателей XIX в. Но в рассказе «Угасший ад» не показано взаимодействие внутренних сил человеческой души с внешним миром. Разномасштабные и несоизмеримые детерминанты объединяются лишь в поле сознания субъекта речи – героя-рассказчика, отражают сложный и противоречивый процесс самопознания.

Душевное состояние воссоздается в его психологической объемности, в эмоционально-чувственных и интеллектуальных проявлениях. Потрясение, вызванное встречей со старым приятелем, жизненный опыт которого убеждает в

том, что личность может преодолевать влияние обстоятельств, взрывает медленно и плавно текущую жизнь муллы. В потрясении этом – боль и ужас, растерянность и смятение. Сложные сплетения чувств проступают в вопросах, нервном и страстном движении интонации, повторах и эмоциональных контрастах. Проснувшаяся мысль срывает умиротворяющую завесу, долгое время застилающую взор, и взмывает на вершину некоей высшей истины, с позиций которой все обретает новый смысл, – наступает прозрение. Разрушение душевной цельности персонажа приводит к резкой драматизации психологического процесса.

Духовное пробуждение героя выводит его за пределы сложившегося социально-бытового уклада жизни, обыденного существования, освобождает от ограниченности и косности, возвышает над окружающим миром. Этот взлет духа, требующий максимальной концентрации внутренней энергии, способность к самопознанию указывают на истинный масштаб личности героя, не соответствующий его внешнему бытию. Автор утверждает суверенность и самоценность духовной жизни личности, постигающей всю глубину своего падения, открывающей в себе все самое сокровенное и настойчиво пытающейся дойти до самой последней степени ясности. В пределах мгновения, выхваченного из потока времени, одного душевного состояния, ставшего этапом в духовной биографии героя, он обретает свое подлинное «я», трансцендентное наличному бытию.

Самоанализ субъекта высказывания представляет собой скорбное и мужественное погружение в трагедию, которое открывает в глубинах индивидуального, сокровенно-интимного общего, универсального. Обобщающая направленность психологического анализа связана с использованием для выражения эмоций языка символически осмысленной внешней реальности. Соизмеримость двух планов: частного, единичного и универсального, – обнаруживается в диффузности микро- и макрокосма. Окружающее человека космическое целое не просто воздействует на него. Борьба света и тьмы в мироздании приобретает для героя экзистенциальную значимость. Гроза «проникает» в сферу микрокосма личности и сообщает ей пророческую ясность видения.

Аналитизм, имеющий по преимуществу рационалистическую основу, взаимодействует с синтетическими методами раскрытия внутреннего мира человека: обобщенно-целостным изображением основных стадий духовного пути; кратким «суммарным» обозначением эмоциональных состояний (смятение, тревога, ужас, др.); с хронотопическими способами психологизма (душевную драму героя репрезентируют оппозиции верха и низа, дня и ночи, прошлого и

будущего, высоты и глубины); обращением к пейзажу для передачи переживаний, настроений персонажа и специфики его восприятия мира, образам и мотивам, имеющим символический подтекст (гроза, гром, дождь, солнце, соловей, др.), лейтмотивным психологическим характеристикам (устремленность в небеса, падение в бездну, пробуждение, гибель души). С помощью разных типов психологизма писатель высвечивает в образе героя «метафизическую» основу, связанную с онтологическими проблемами человеческого существования, трагедией утраты смысла жизни.

Рефлектирующие герои Г.Ибрагимова (рассказы «Любовь – счастье», «На море», «Угасший ад») в таких своих качествах, как готовность размышлять о философских основаниях мира, смысле индивидуального существования, способность к самоанализу и самопознанию, умение давать нравственную оценку ситуации и своим душевным движениям, поступкам, близки персонажам Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского и акцентируют в них устойчивые, повторяющиеся, «архетипические» черты. Раскрывая трагические противоречия жизни и сознания людей, татарский прозаик использует разработанные русскими писателями способы и приемы психологического изображения: рационализацию психологического процесса, представляющую внутренний мир человека через его самоанализ и самораскрытие; воспроизведение потока душевной жизни, тяготеющее к исповедальности; изображение мирозерцательных реакций на действительность как формы нравственно-философских исканий, движения мыслей и чувств, моментов самоуглубления и самопознания, рождающих новое отношение к миру.

Итак, в сфере форм и методов психологического изображения может быть установлен диалогический контакт между текстами, принадлежащими разным национальным литературам. В «точке» этого контакта рождается смысл, который требует не формально-логической и содержательной трактовки, актуализирующих его внутреннюю неоднородность, но функционального толкования, раскрывающего его роль в формировании сходной для сопоставляемых текстов целеустановки. В произведениях русских и татарских писателей обнаруживается общая, интегрирующая их тенденция – интерпретация психических структур, эмоций и переживаний дается в экзистенциальном ключе и «подчиняется» философско-этической и социально-психологической проблематике.

Данный вид диалогических отношений осуществляет своеобразное взаимоналожение семантических полей «своего» и «чужого» художественно-эстетического опыта. «Чужая» словесная позиция, трансформируясь в «иную», становится одним из кодов в данной художественной системе, без знания которого невозможно ее адекватное восприятие и понимание. Чужая / иная словесная практика выступает как план выражения для нового содержания – внутреннего мира человека, принадлежащего иному типу культуры. Возникающие при этом добавочные ассоциации увеличивают семантическую емкость «исходных», осваиваемых моделей и структур. Контекст иной литературы раскрывает их архетипичность, способность порождать новые смыслы. В способности «я» воспринять точку зрения «другого», перейти на его позицию заложена возможность универсализации воспринятых смыслов, открытия в них метатекстуальных и интертекстуальных интенций.

**«ONE'S OWN» AS RESTRUCTURED «SOMEONE ELSE'S»
(TO THE QUESTION OF THE TYPES OF CONVERSATIONAL RELATIONS BETWEEN
THE TATAR PROSE OF THE 1ST THIRD OF THE XX CENTURY AND RUSSIAN CLASSICS OF THE XIX CENTURY)**

© 2010 V.R.Amineva^o

Kazan State University

The article contains the results of the comparative analysis of the principles and devices of the psychological portrayal used by Russian and Tatar writers. The conceptual and semiotic nature of one of the conversational relations types formed between national literatures – «one's own» as restructured «someone else's» is revealed. The semantic characteristic of this conversational relations type is given.

Key words: dialogue, Russian literature, Tatar literature, principles and devices of the psychological portrayal.

^o Amineva Venera Rudalevna, Cand. Sc. in Philology, Associate Professor of the Comparative Philology and Intercultural Communication department. E-mail: amineva1000@list.ru